

Пейзаж северо-западной пограничной крепости сильно отличался от пейзажа столицы. Начало зимы было не за горами, и холодный ветер уже резал холодом как ножом, а небо было тяжелым от инея. Солнце, заходящее за вершину горы, делало песок похожим на снег. Над далеким городом раздавался жалобный крик дикого гуся.

Прошлой зимой Западное Ся забрали у Даюй Юнлян. Они унизили и убили их генерала и угрожали устроить резню в самом городе. Сегодня, год спустя, пейзаж на границе остался прежним, но люди внутри города и за его пределами уже сменили позиции: от нападения к обороне и от обороны к нападению. Месяц назад теперь уже армия Даюй разбила лагерь за городом. В течение месяца они ждали своего часа, сохраняя силы и копя энергию, и все это для финальной битвы.

Дни ожидания и подготовки всегда тянутся дольше, чем дни штурма осажденного города. После долгих дней отдыха один вспыльчивый юноша больше не мог этого терпеть.

«Генерал, мы уже месяц занимаемся реорганизацией наших солдат и лошадей. – За десять дней это была третья просьба У Ююаня начать атаку. – До этого наша армия последовательно захватила Гуаньян, Ланьгу, Чжосянь и несколько других небольших городов. Боевой дух войск на подъеме, это время, когда мы должны двигаться дальше. Мы должны без промедления взять Юнлян. Если промедлить еще немного, солдаты неизбежно ослабнут, и наши запасы продовольствия иссякнут».

Ничего не говоря, Гу Фучжоу скрестил руки на груди и смотрел на карту северо-запада на песчаном столе.

«Я должен не согласиться с генералом. Искусство войны гласит: „Первое – это разрушить их стратегию, второе – разрушить их связи, следующее – атаковать их солдат, последнее – атаковать их город. Осада города должна быть последним средством“. Юнлян – настоящая крепость на северо-западе. Это всегда было место стратегического значения. Город хорошо укреплен, его легко оборонять и трудно атаковать. Как это может сравниться с кучей маленьких городков, таких как Гуаньян и Ланьгу?»

Говорящего звали Ши Пэй, он – старый ветеран северо-западной армии. Все военные чиновники уважали этого генерала четвертого класса.

Гу Фучжоу взглянул на Ши Пэя. Этот человек известен тем, что любил своих солдат, как собственных сыновей. Хотя он воевал много лет, но все еще оплакивал потерю каждого солдата. Для Ши Пэя главным приоритетом было сокращение потерь в армии. Он предпочел бы выиграть битву, которая не так красива, но при этом защитить солдат под его командованием. Это являлось благородным качеством старого вояки, и Гу Фучжоу очень им восхищался.

У Ююань с жаром возразил: «Вести осаду трудно. Но будет ли осада Юнляна позже менее трудной, чем сейчас? Поскольку это всего лишь вопрос времени, почему бы не решить все побыстрее?»

Гу Фучжоу помассировал межбровье и заметил: «Ююань, горячая кровь – это хорошо. Но если кровь будет слишком горячей, комары обожгут себе рот, когда будут пить твою кровь».

Гу Фучжоу уже год жил на северо-западе. Он не собирался утруждать себя сохранением холодного и недостижимого образа героя. Теперь он вел себя так, как ему хотелось. После первоначального шока У Ююаня и других они постепенно приняли новую личность генерала Гу. Они слышали от ветеранов на северо-западе, что раньше генерал Гу был отравлен, и с тех пор, как он вырвался из пасти смерти, его темперамент резко изменился. В то время генерал вел себя крайне возмутительно. Теперь же он стал намного лучше, по крайней мере, он не спал весь день напролет. К счастью, каким бы ни оставался его характер, генерал ни разу не приводил их к поражению.

У Ююань все еще прислушивался к словам Гу Фучжоу, поэтому он попросил: «Пожалуйста, просветите меня, генерал».

«Ты забываешь, как генерал Чжао потерял Юнлян прошлой зимой».

«Я не забыл. – поспешно ответил У Ююань: – В прошлом году генерал Чжао был пойман в ловушку в Юнляне. Дороги были заблокированы сильным снегопадом, и поэтому не смогли доставить вовремя провизию. Когда у генерала Чжао закончились амуниция и иссякли запасы, он широко распахнул ворота города и вступил в бой. Но генерал проиграл элите войск Западного Ся и погиб, потерпев поражение».

Гу Фучжоу задал наводящий вопрос: «Ты все еще не уловил сути?»

Весь интеллект У Ююаня был сосредоточен на военном искусстве. Но когда Гу Фучжоу сказал это, он наконец понял. Его глаза ярко заблестели, и он торопливо спросил: «Генерал хочет, чтобы они потратили свои запасы и открыли ворота в поисках битвы, как они сделали с генералом Чжао в прошлом году?»

Гу Фучжоу утвердительно кивнул и неторопливо объяснил: «Без Гуаньяна, Ланьгу, Чжосяня и других городов Юнлян отрезан от путей снабжения провиантом. Каким бы великим и неприступным не был Юнлян, он все равно взят в кольцо. В отличии от них у нас есть постоянный подвоз провианта и фуража, а армия Западного Ся в городе может есть только то, что у них было припасено ранее, истощая свои запасы. Пока мы формируем силы для контратаки, мы сокращаем потери нашей армии как минимум вдвое».

Ши Пэй был полностью согласен со словами Гу Фучжоу: «Чтобы добиться возмездия, нет ничего лучше, чем использовать методы противника. Западное Ся свезли в город все запасы из таких городов, как Гуаньян. Если добавить к первоначальному запасу Юнляна, то их хватит максимум на 50 дней. Прошел уже месяц. Еще через полмесяца наш противник либо умрет с голоду, либо откроет городские ворота, чтобы встретить врага лицом к лицу, как сделал это в свое время генерал Чжао. В войсках воцарится хаос. К тому времени наша армия будет готова к сражению уже два месяца. Стоит ли нам бояться, что мы не сможем вернуть Юнлян?»

У Ююань на некоторое время задумался. Сейчас он тоже считал, что война на истощение – лучшее решение в данном случае. Но у него все еще оставались некоторые сомнения. «Западное Ся нуждается в пайках и фураже, но нам также нужны пайки и фураж. Ключ к войне на истощение заключается в том, чтобы мы смогли пережить Западное Ся».

Гу Фучжоу тут же повернулся к Шэнь Хуайши и спросил: «На сколько дней хватит нашей провизии?»

Шэнь Хуайши сказал: «Меньше десяти дней. Однако императорский лекарь Линь сообщил в своем письме, что в начале месяца по воде отправилось большое количество провизии с юга. Они поедут по суше, как только достигнут провинции Гуй. Скоро они придут в наш военный лагерь».

Ши Пэй взволнованно воскликнул: «Тогда у нас будет достаточно запасов!»

«Самое главное в данном случае, что провизия будет доставлена беспрепятственно, – заметил Гу Фучжоу, после чего сказал: – Хуайши, пожалуйста, возвращайся в провинцию Гуй и лично сопроводи припасы в Юнлян».

Шэнь Хуайши живо ответил: «Я немедленно отправляюсь».

Договорившись по этому вопросу, Гу Фучжоу и У Ююань обсудили количество вооружения, необходимое для атаки на город. Наблюдая со стороны, Ши Пэй решился сказать вслух: «Генерал сильно изменился с тех пор, как вернулся на северо-запад».

«Хм? Почему ты так говоришь?»

Ши Пэй сказал: «Два года назад, когда генерал был на северо-западе, обсуждение вопросов с вами было настоящей головной болью. В итоге решения по многим вопросам принимал генерал Чжао. Как это может сравниться с тем, что происходит сейчас? Вы обращаете внимание на каждую деталь и проявляете интерес ко всему».

«Ничего не поделаешь, ведь я слишком сильно хочу победить. – ответил Гу Фучжоу, еле заметно улыбнувшись. – Я не могу умереть».

Война на северо-западе подходила к своему завершающему этапу. Линь Циньюй уже три дня не смыкал глаз, координируя транспортировку провизии с юга на северо-запад. Эта партия провизии могла бы снабдить северо-западную армию провиантом по крайней мере на месяц. Теперь, когда все было улажено, он, наконец, мог выдохнуть с облегчением.

Когда он вышел из Военного министерства, Линь Цинюй понял, что в какой-то момент на улице пошел снег. Снег был не сильный, но неприятно бил по глазам. Застыв на какое-то время в трансе, он сделал шаг назад и наткнулся спиной на помощника военного министра.

Помощником военного министра был мужчина моложе тридцати, его можно было считать молодым многообещающим талантом. Он был дальним родственником вдовствующей императрицы, поэтому, естественно, был на стороне Линь Цинюя. В течение последних нескольких дней они вместе работали над вопросом о провизии. Увидев бледное лицо Линь Цинюя, помощник военного министра подумал, что тот обеспокоен о ситуации на северо-западе.

«Генерал Гу уже вернул несколько городов вокруг Юнляна, начав осаду. Возвращение Юнляна – это только вопрос времени. Императорскому лекарю Линю не нужно так беспокоиться, на этот раз Даюй выиграет битву».

Линь Цинюй согласно кивнул, тихо заметив: «Я надеюсь на это».

Помощник министра мягко улыбнулся, выглядя участливым: «Идет снег, и дорога скользкая, мне проводить императорского лекаря Линя из дворца?»

Линь Цинюй коротко ответил: «В этом нет необходимости».

Хотя помощник министра чувствовал небольшое разочарование этим отказом, он не стал навязывать свое присутствие: «Тогда, пожалуйста, будьте осторожны на дороге, императорский лекарь Линь».

Линь Цинюй прошел всего несколько шагов, когда к нему подошел евнух. Он принес сообщение о том, что вдовствующая императрица приглашает его во дворец Цыань на вечернюю трапезу. За последний год он ел во дворце Цыань большее количество раз, чем «великий послушный сын» Сяо Цзе. По этой причине во дворце ходило множество сплетен. Некоторые люди даже говорили, что вдовствующая императрица приняла Линь Цинюя как приемного сына и теперь относится к нему более нежно, чем к самому императору.

Но Линь Цинюй знал, что причина, по которой вдовствующая императрица была так нежна к нему, заключалась в том, что умственно неполноценный маленький Хуай ван улыбался только ему. Вдовствующая императрица приглашала его во дворец Цыань только для того, чтобы заставить Сяо Ли лишний раз улыбнуться.

Когда Линь Цинюй прибыл во дворец Цыань, то увидел стоящий снаружи императорский паланкин. Он спросил Лай Фу, встречающего его: «Здесь Император?»

Лай Фу почтительно ответил: «Его величество пришел засвидетельствовать свое почтение вдовствующей императрице. Сейчас он играет в снегу с маленьким принцем в саду во внутреннем дворе».

В саду во внутреннем дворе два императорских брата сидели на корточках в снегу и лепили снеговика. Если быть точным, лепил только Сяо Цзе. Сяо Ли не мог создать что-то настолько сложное, он только собирал снег в маленькие шарики и с серьезным видом ломал их тут же. Сяо Цзе все это время говорил с ним, хотя и не получал никакого ответа.

Стоявшая в стороне Сю Цзяо-момо увидела Линь Цинюя и с улыбкой заметила: «Мой принц, посмотрите, кто здесь».

Сяо Ли поднял голову. Увидев Линь Цинюя, дурачок тут же улыбнулся.

Это был впервые, когда Сяо Цзе увидел улыбку Сяо Ли. Он не мог сдержать слов восхищения: «Шестой брат, ты действительно прекрасен...»

Линь Цинюй хотел преклонить колени перед императором. Но Сяо Цзе, не глядя ему в глаза, заметил: «Императорскому лекарю Линю нет необходимости быть таким вежливым».

Линь Цинюй спокойно заметил: «На улице холодно. Не позволяйте его высочеству играть слишком долго в снегу. Снежная накидка принца уже промокла».

Сю Цзяо-момо поспешно сказала: «Эта служанка отведет его высочество сменить снежную накидку».

Сю Цзяо-момо увела Сяо Ли. А Сяо Цзе продолжал украдкой поглядывать на Линь Цинюя, как будто хотел что-то сказать, но не решался. Поэтому Линь Цинюй заговорил первым, спросив: «Император хочет о чем-то попросить этого скромного чиновника?»

Сяо Цзе торопливо покачал головой, а затем утвердительно кивнул. Собравшись наконец с духом, он спросил: «Императорский лекарь Линь, вы... вы причините вред мне и А-Жуну?»

Линь Цинюй посмотрел на него нечитаемым взглядом и бесстрастно ответил: «Евнух Си что-то сказал вашему величеству».

«А-Жун сказал, что вы и генерал Гу неискренни со мной. Он хочет, чтобы чжэнь держался от вас подальше, – Сяо Цзе почесал затылок и, поколебавшись, добавил: – Но чжэнь не думает, что вы плохой человек».

Линь Цинюй приподнял в легкой улыбке уголки губ, вежливо заметив: «Ваше величество много лет провели с евнухом Си, но не верите его словам?»

Сяо Цзе взволнованно замахал руками: «Чжэнь... чжэнь действительно верит ему. Чжэнь просто не верит, что вы можете так поступить...»

Линь Циньюй прервал его: «Ваше величество, как взрослый мужчина, разве у вас нет собственного суждения? Если сегодня я скажу, что не причиню вреда вам и евнуху Си, вы ослабите защиту против меня?»

Сяо Цзе сердито надул щеки, выглядя сейчас разгневанным: «Чжэнь по-доброму спрашивает вас. Почему вы говорите такое?»

«Тогда я отвечу вашему величеству. Я не причиню вам вреда... по крайней мере, до тех пор, пока не вернется генерал, – спокойно сказал Линь Циньюй, добавив: – Вам решать, верить мне или нет».

Сказанное Линь Циньюем сейчас, это то. Что Си Жун понимал без слов. Нет ничего плохого в том, чтобы открыто рассказать об этом Сяо Цзе. Но Си Жун, похоже, не спешил информировать Сяо Цзе о сложившейся ситуации, иначе у того не было бы сейчас такого испуганного выражения лица.

«Тогда, когда генерал Гу вернется, вы собираетесь...»

Линь Циньюй ответил: «Для этого император должен спросить у евнуха Си, что он сделает с генералом, когда тот вернется в столицу?»

Сяо Цзе на мгновение опешил и пробормотал: «Чжэнь спросит его...» – и быстро выбежал прочь.

Сяо Цзе вернулся в свой дворец и начал повсюду искать Си Жуна: «А-Жун! Где А-Жун?»

Один из евнухов ответил: «Евнуха Си сегодня нет во дворце. Он сказал, что у него есть дела в резиденции».

«Тогда чжэнь тоже уходит, – сказал Сяо Цзе, не обращая ни на что внимания. – Идите и приготовьте паланкин».

Раньше у Си Жуна не было своей резиденции. Он жил там, где жил Сяо Цзе. Позже Сяо Цзе из тысяч вариантов выбрал резиденцию и подарил ее Си Жуну. Первоначально это была резиденция тети Сяо Цзе, принцессы Пинчан. Принцесса Пинчан была самой любимой младшей сестрой бывшего императора, и ее резиденция, естественно, была чрезвычайно роскошной. К сожалению, принцесса Пинчан скончалась в молодом возрасте из-за болезни, и с тех пор резиденция пустовала, пока Сяо Цзе не взойшел на трон и не передал ее новому владельцу.

В это время двери и окна кабинета в резиденции Си были плотно закрыты. Си Жун вел тайный разговор с таинственным незнакомцем. На госте был накинут плащ с капюшоном, он выговаривал слова ясно и чисто, демонстрируя осторожность в сказанном им.

На посетителя нельзя было смотреть свысока. Си Жун не осмеливался ослабить бдительность. Он спросил его: «Ваше превосходительство просили об этой встрече, чтобы искать мира или смерти?»

Человек в капюшоне ответил: «Я здесь, чтобы вести переговоры от имени нашего командира, чтобы заключить сделку с евнухом Си».

«О? – Си Жун пристально посмотрел на мужчину. – И что это может быть за сделка, раз вы пришли искать меня вместо того, чтобы разговаривать с императорским двором?»

«Гу Фучжоу убил нашего наследного принца. Бесчисленные герои Западного Ся погибли от его копья. Людям Западного Ся ничего так не хотелось, как съесть его плоть и выпить его кровь. – Человек в капюшоне с ненавистью в голосе продолжил: – Командир предлагает вернуть Даюй Юнлян. Все, о чем мы просим, это чтобы генерал Гу умер мучительной смертью».

Глаза Си Жуна сверкнули холодом: «Юнлян – осажденный город. Он уже практически возвращен Даюй. Как вы хотите вернуть его нам?»

Человек в капюшоне ответил: «Если ваше превосходительство согласится помочь нашему командиру, то, кроме Гу Фучжоу, армия Даюй потеряет самое большое двадцать-тридцать тысяч солдат. Но если вы настаиваете на штурме, мы обязательно будем защищаться. Если это произойдет, Даюй потеряет по меньшей мере пятьдесят тысяч солдат. В обмен на Гу Фучжоу вы получаете двадцать тысяч солдат и невредимый Юнлян. Что ваше превосходительство думает об этом?»

Си Жун спокойно заметил: «Такой талант, как у генерала Гу Фучжоу, появляется в Даюй только раз в сто лет. Кроме него, кто может сохранить мир на северо-западе? Его жизнь нельзя купить за один город».

Человек в капюшоне коварно прошептал: «Но вопрос в том, хочет ли евнух Си, чтобы Гу Фучжоу вернулся в столицу живым?»

Тон Си Жуна сделался настороженным, когда он спросил: «Почему вы так говорите?»

«Если Гу Фучжоу погибнет в бою, этот легендарный красавец – императорский лекарь останется без помощи мужа. Он станет всего лишь кожаным мешком, – ответил человек в капюшоне с двусмысленным выражением на лице. – Наш правитель всегда бережно относился к красавицам. Он давно слышал о деяниях прекрасного императорского лекаря и страстно желает обладать им. Он хочет своими глазами увидеть красоту, пленившую генерала Гу Фучжоу. Если бы евнух Си мог отослать прекрасного императорского лекаря в столицу Западного Ся, чтобы наш правитель смог насладиться им... „Дружба между Цинь и Цзинь“ не была бы просто разговором между нашими странами».

Си Жун заметил, усмехнувшись: «Даже если вы немного выучили язык, вам лучше не

использовать его без разбора. Вы неправильно используете „дружбу между Цинь и Цзинь“.*

[Примечание: 亲邻 / qín jìn zhī hǎo. В периоды Весны и Осени и Воюющих царств два царства Цинь и Цзинь вступали в брак на протяжении нескольких поколений. Позже «дружба между Цинь и Цзинь» стало использоваться для обозначения брачных отношений между двумя фамилиями. Дружба, скрепленная брачным союзом между двумя правящими семьями. Брачная дипломатия двух воюющих государств-держав.]

Человек в капюшоне улыбнулся, заметив: «Но евнух Си понимает, что я имею в виду. Как только генерал Гу Фучжоу умрет, с обидами между двумя странами будет покончено. Западное Ся может гарантировать, что больше не будет никаких неприятностей. Неужели жизнь Гу Фучжоу не стоит мира на северо-западе? Это евнух Си знает об этом лучше, чем я».

Си Жун спросил: «И что же ваш командир хочет от меня?»

В тени капюшона человек победно улыбнулся, понимая, что переговоры увенчались успехом: «То, чего хочет мой командир, очень просто. Не более чем...» – и он обмакнул кончик пальца в чай и написал на столе слова «пути снабжения».

Си Жун долго молчал, а затем ответил: «Я понимаю».

Человек в капюшоне встал и поклонился на манер жителей центральных равнин: «Я полагаю, что мне остается ждать хороших вестей от его превосходительства».

«Выходите через боковую дверь. Не позволяйте никому увидеть вас».

«Естественно».

После того как человек в капюшоне ушел, Си Жун остался сидеть один в раздумьях. Внезапно он услышал голос снаружи: «Ваше величество?»

Си Жун переменялся в лице. Он быстро подошел к двери и распахнул ее. За дверью стоял бледный Сяо Цзе.

Автору есть что сказать:

Скоро, скоро. Будьте терпеливы, мои дорогие. Я доберусь до этого в свое время.

<http://bllate.org/book/15122/1336712>